

Александр А.
Сальников

Оленька

Роман в стихах

18+

Александр Сальников

Оленька

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Сальников А. А.

Оленька / А. А. Сальников — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Этот роман в стихах ранее издавался и печатался в России и за рубежом под другим названием, но по определённым причинам было решено изменить название романа. Вот что писали о романе критики, литераторы, журналисты: «Написан роман с необыкновенной легкостью и изяществом...». «Содержание романа увлекает с первых страниц...». «Читатель получит от прочтения этого романа большое удовольствие и долго будет под его впечатлением... роман вызывает широкую палитру чувств от восхищения до слёз...». «Это серьёзное, талантливое... произведение... уже с первой страницы понял, что имею дело с настоящей поэзией». «Это не просто роман о "грешной" любви, а настоящие поэтические "сколы" нашей жизни, нашего времени...» Есть и критики, обвинявшие роман в педофилии и всякой пошлости, чего в романе, конечно же, нет. В этом может убедиться читатель лично. Дизайн обложки авторский.

© Сальников А. А., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Сальников

Оленька

Глава первая

1

Друзья мои, вы не были в Шарье?
Нет, там не жил ни Байрон, ни Фурье,
Ни Пушкин, ни Толстой, ни Свифт, ни Гейне,

Ни тысячи других известных лиц,
Перед которыми я пал бы ниц
За их умы, за их талант и гений.

2

Они не осчастливили мой град.
Нельзя сказать, что этому я рад,
Но и грустить тут повода не вижу.

Великие не могут быть везде.
Но городу Шарья, его звезде,
Я в будущем рождение предвижу.

3

Пока он лишь убогий городок
На краешке земли. Не так высок,
Не так широк, как, может быть, хотелось.

Но, в общем, все при всем. И жизнь течет
В Шарье, как и везде. И в свой черед
Идут здесь годы. Вот и мне приспелось

4

Вам рассказать историю одну.
Ведь, что топор, – всегда идет ко дну, -
То и слуга ваш искренний – писатель:

Всегда поведать хочет обо всем,
Что в сердце ни накопит он своим,
Как душ и мыслей верный испытатель.

5

Сказать по правде, жизнь в Шарье скучна.
И, может быть, без доброго вина
Она была б совсем невыносимой.

Но, слава богу, этого добра
Хватало всем. И с самого утра
Порою пил Валерка с тетей Симой.

6

Валерий Пилин – старый мой приятель.
Детей любил, отличный воспитатель.
Когда-то он преподавал труды.

Но в личной жизни, видно, дал промашку
И упустил свою подружку Сашку.
С тех пор немало утекло воды,

7

Но он никак прийти в себя не может.
Она была ему всего дороже.
Он начал пить, повеситься хотел.

Просил вернуться, Саша не вернулась.
Стал чаще пить, – вся жизнь перевернулась.
В конце концов, остался не у дел.

8

Из школы выгнали, работал, где придется.
Все думал: как-нибудь да обойдется.
Еще и молод, и не так дурен.

И тетя Сима сына поощряла:
Поила, от девиц оберегала,
И, как бычок послушный, сдался он.

9

Ах да, я не сказал, что тетя Сима
Была порою так невыносима,
Что парня до истерик довела.

Порой, во всём Валерку обвиняла,
Жила без мужа, часто выпивала.
Она его к вину и привела.

10

И мы с Валеркой тоже выпивали, -
Он старше был, а мы забот не знали, -
Все думали, что истина в вине.

Но тут случился кризис, смена власти,
Россию стали раздирать на части,
Жизнь наступила, как в кошмарном сне.

11

Такое было время – век суровый.
Готовили Россию к жизни новой:
Политики – кто в лес, кто по дрова,

Что в басне той, где лебедь, рак да щука.
Народ нищал, нищала с ним наука,
И только вор имел на все права.

12

Валерка наш остался без работы.
Вот тут и начались его заботы.
Он стал серьезен, даже бросил пить.

Да и тоска по Саше притупилась.
Нам часто срок оказывает милость,
Скрывая горе в Лете, чтобы жить.

13

Лавров Сергей Андреич, что над нами
С супругой жил и дочерьми, утрами
Любил Валерке преподавать урок.

И часто, по пути до остановки
Учил его, как жить. Валерка ловко
Кивал в ответ, да шел урок не впрок.

14

Лавров ему подкидывал шабашки,
Платил за них. На хлеб да на рубашки
Хватало парню, хоть не шиковал.

Перепечатывал его стихотворенья,
Покорно слушал все нравоученья
И мыслям спорным воли не давал.

15

Что спорить с тем, кто лучше нас устроен?
Сергей Андреич был высок и строен,
Имел доход: он чем-то торговал;

Писал стихи и посылал в газету,
И даже, я скажу вам по секрету,
Он где-то что-то как-то воровал.

16

Но все же он считал себя поэтом.
Мечтал о книжке. Да еще при этом
Любил, чтоб все в нем видели Рембо.

А критику терпеть не мог ужасно,
И спорить было с ним, увы, напрасно.
Он в гневе мог вам сделать и бо-бо.

17

Таков был наш Лавров. Хотя, признаться,
Вполне с ним можно было уживаться.
И добрым быть он мог, когда хотел.

Валерка с ним не ссорился, не спорил.
И тут был повод, о котором вскоре
Я расскажу уж, если буду цел.

18

Ну а пока все шло своим порядком.
Но, пребывая в настроении гадком,
Меня гнала настойчивая мысль,

Что все в Шарье ужасно мне приелось,
Все передумалось, сказалось, спелось,
И для меня теряло всякий смысл,

19

И претерпелось так, что надоело.
Порой казалось: все осточертело.
Хотелось вон бежать, увидеть мир,

Попутешествовать по заграничным странам...
Хоть в наше время это было странным:
Не каждый мог пройти через ОВИР.

20

Но я собрал уж, было, чемоданы,
Чтоб посетить неведомые страны,
Где рай в цвету, где все не как у нас.

Вполне возможно, так бы и случилось,
Да тут такое дело приключилось...
О нем-то я и поведу рассказ.

Глава вторая

1

В наш город как-то раз весной, в апреле,
Когда ручьи весенние запели,
А из-под снега появилась грязь,

Приехала племянница Лаврова,
Студентка "педа" Ольга Кистенева.
Сергей Андреич заходил, как князь.

2

Живот втянул, походка легкой стала...
Жена сначала мимо пропускала
Его кривлянья. Думала – пройдет.

Племянница у них и поселилась.
Еще девчонка: пела, веселилась.
С детьми играла днями напролет.

3

А наш Сергей Андреич в эти годы
Имел одну лишь слабость: от природы
Был страшно влюбчив, как любой поэт.

Ему бы, дураку, остепениться:
Женился уж, – пора была жениться, -
И жил бы всласть, детей растил. Так нет!

4

Он перед женщинами просто рассыпался,
Весь в деликатность сразу превращался,
И подольстить любил, и угодить.

Порой и сам о том не думал вроде,
А льстил уж просто по своей природе.
Всегда приятно женщине польстить.

5

А Оленька – прелестное создание.
По-Пушкину – очей очарование,
По-нашему – девчонка хоть куда.

Все подходило ей – и то, и это.
Я больше бы списал с ее портрета,
Но, дело вкуса, – вот ведь в чем беда.

6

Ему она понравилась не сразу.
Вначале даже неприятна глазу
Казалась. Вздернут нос и голос груб,

Глаза красивые, но уж очень колки,
И грудь почти не видно из футболки,
И рот большой. И эта пышность губ!

7

Не женщина – подросток незрелый.
Хотя умна. И разговор умелый
Ведет со всяким, только повод дай.

Сергей Андреич этим и польстился.
Возможно, он в нее бы не влюбился,
Но, как назло, в Шарью ворвался май.

8

Проказник этот все вверх дном поставил.
С ума сошла листва, и против правил
На нашем дворике зацвел столетний пенек,

Который старичкам служил, как столик.
Стучали в домино на нем. А Толик,
Соседский мальчик, – было же не лень! -

9

Украсил пенек рельефною резьбою.
Его хвалили, он был горд собою:
"Вот молодец!" – кивали старички.

И этот-то пенек зацвел безбожно.
Пустил ростки. Петрович осторожно
Смотрел на них через свои очки,

10

Завидуя живучести природы...
Вот так и у людей: уж, вроде, годы
Не те, но по весне – цветет душа!

И бес в ребро, и в голове амуры,
И вновь готовы мы на шуры-муры.
Жизнь кажется свежа и хороша...

11

Так вот, однажды вечером, в субботу,
Закончив над своим стихом работу
По выправленью рифм и грубых слов,

Сергей Андреич к Оле обратился...
Нет, нет, еще тогда он не влюбился,
Не наломал, как говорится, дров.

12

Он просто мнение ее хотел услышать
По поводу стиха. А Оля вышить
Решила на платке цветной узор.

Но для стиха отложила иголку,
Удобней сев, поправила футболку
И стала слушать, чуть потупив взор.

13

Ей показалась странной просьба дяди
Стать критиком стихов: "Чего бы ради?"
Но Оля все же молча снизошла.

В конце концов, ведь это ей не трудно:
Послушать стих. Читал Лавров не нудно.
Забавным Ольга стих его нашла.

14

– Любовь, любовь, какое наваждение,
Обманчивое нежное видение
Наводишь ты на тех, кто увлечен...-

Читал ей дядя. Оленька молчала.
Она уже не помнила начала,
Но в целом стих был легкий, словно сон.

15

Ее одно лишь мучило сомненье:
"Вдруг не напрасно это представление
Устроил дядя? Как бы то узнать?

Ведь он давно, как будто, не повеса".
Взглянув на дядю с явным интересом,
Она ему решила подыграть.

16

Так легкомыслие, порою, нас заводит
В дремучий лес, и редко кто находит
На ровную дорогу верный путь.

– Ну, как тебе? – спросил, окончив, дядя.
– Мне кажется, – она в ответ, не глядя
Ему в глаза: – Что вот еще чуть-чуть

17

И я б заплакала. У вас прекрасный слог. -
Ах, Оленька! И наш Лавров не смог
Сдержать порыва чувств, восторга шквал.

Ему не часто лавры доставались,
Сказать вернее: вовсе не давались.
И он в пылу ее поцеловал.

18

Как странен человек в своей природе:
Живет и мыслит, и мудрее вроде,
Накапливая опыт за года.

Но в миг один к нему приходит тупость
И совершает вдруг такую глупость,
Как будто и не мыслил никогда.

19

Все кое-как они свели на шутку.
И вот уже во двор через минутку
Спустилась Ольга с нами посидеть.

И тоже в шутку все пересказала.
Мы посмеялись. Нам-то горя мало.
Гитару взяли. Оля стала петь.

20

Мне ж, случай интересным показался.
Поэтому я дома и остался,
Не предприняв экскурсии своей,

А, рассудив, немного задержаться,
Чтоб посмотреть, как будут развиваться
События в истории моей.

Глава третья

1

Ночь Ольга провела ужасно плохо.
Вина ее, конечно же: дуреха
Сомнениями измучила себя.

Сначала все как будто было славно.
Луна в окне плыла сквозь тучи плавно,
На землю глядя грустно и любя.

2

Листва шептала трепетно о лете,
В открытое окно ворвался ветер,
Обдал прохладой Ольгу и затих.

В углу сопели милые девчонки
Катюша с Танечкою, Олины сестренки:
Они делили спальню на троих.

3

Российский быт. Вот тоже мне словечко.
Что значит – быт? Вся жизнь! Горим как свечка,
Какой там быт?! Ведь знаем, что сгорим,

Но ничего вокруг не обустроим.
Российский быт. Ломаем, а не строим.
Ты помнишь, Трифонов куражился над ним,

4

Читатель мой, над этим русским словом?
А мне оно по нраву, правда, словно
Определяет наше бытие:

И емкое, и точное по сути.
Российский быт! Тут столько яда, ртути
И горечи, что мама е-мое!..

5

Девчонки спали. Оля на постели
Лежала тихо. Где-то песни пели
Невидимые добрые сверчки.

Вдруг прыгнул Васька кот на одеяло.
Его тихонько Оля приласкала.
Он замурлыкал. Яркие зрачки,

6

Как угольки, светились в темноте.
Блуждали мысли, только все не те.
Уснуть хотела Оля, не уснула,

Сна не было. Тут вспомнила она
Про случай с дядей, и развлечена
Была на время этим. Утонула

7

В волнах воспоминаний. Но опять
Над случаем тем стала размышлять:
"А может быть, все это не напрасно?"

И стих его, и этот поцелуй...
И взгляд! Как он глядел! Стой, не балуй,
Подруга, с чувствами... Но он глядел так страстно...

8

Его волнение, это ведь не ложь,
Он волновался... – Пробежала дрожь
По телу Ольги, но через мгновение

Сменилась жаром, словно кипятком
Ее облили всю, и в горле ком.
Она – к окошку. Ветра дуновение

9

Как будто бы облегчило слегка.
Рукой потеряла Оля у виска:
"Ну неужели дядя мой влюбился?!"

В кого? В меня? В племянницу свою?!
Уж перед ним я, верно, устою..."
Тут за окном негромко надломился

10

И треснул сук. Вглядевшись в темноту,
Она заметила, как кто-то за черту
Теней деревьев прошмыгнул и скрылся.

"Какой-то идиот не хочет спать".
Закрыв окно, она легла в кровать
И вновь свое: "Неужто он влюбился?"

11

А почему бы нет? Ведь он не стар,
Хорош собой, – тут Олю снова в жар. -
И я – чем не объект для вздыхания?

И он, хоть и женат, но очень мил...
Ах, он женат!" – Тут пыл слегка остыл,
Ровнее стало Олино дыхание.

12

Но мысли не давали ей уснуть.
Хотелось все узнать хоть как-нибудь
О чувствах дяди. Оля повернулась

На бок другой, как будто задремала,
Надвинула повыше одеяло,
Сквозь дремоту чему-то улыбнулась,

13

Потом поежилась слегка, зевнула,
А вскоре, наконец, совсем уснула.
И ей в ту ночь приснился странный сон:

Как будто где-то высоко на небе
Зажглась свеча, а рядом с ней на хлебе
Сидела муха, а на мухе слон.

14

И этот слон вдруг в дядю превратился,
А муха – в Ольгу. Рядом снег кружился.
И дядя будто был в нее влюблен.

А снег был словно сахарная вата.
А Оля, будто в чем-то виновата,
Все плакала. А бедный дядя, он

15

Кормил ее то сахаром, то хлебом,
Размахивая хоботом под небом,
Пытаясь успокоить, разогнать

Собравшиеся снеговые тучи,
И этим лишь сильнее Ольгу мучил.
Но все никак не мог себя унять.

16

Свеча погасла, сладкий снег растаял,
Остался хлеб. Тут где-то пес залаял
И появился вдруг из темноты -

Лохматый, весь взъерошенный и дикий,
Глаза красны, как ягоды брусники,
Он хлеб схватил и убежал в кусты.

17

Там все сожрав, злой пес опять явился,
Подпрыгнул и... в Валерку превратился.
И говорит: "Отдайте мне мое!"

Лавров в ответ: "Чужого не имеем.
Но за свое подраться мы сумеем!
А будут раны – купим мумие".

18

Валерка с криком бросился вперед,
Вцепился псом, рычит, кусает, рвет.
Устали оба. Драка прекратилась.

Стоят, со злобой смотрят друг на друга
И спорят: чья же Оленька подруга.
А Оленька со страхом удалилась

19

И издали глядит, как слон и пес
Решают полюбовно свой вопрос.
Вдруг все исчезло, все покрылось паром...

Ужасный сон. Но, смею утверждать,
Что я о нем обязан рассказать,
Ведь эта ночь не пролетела даром:

20

К утру была уж Ольга влюблена.
В Лаврове больше видела она,
Чем просто дядю. Видела мужчину.

Ну а по мне, так я признаюсь всем,
Что лучше до утра не спать совсем,
Чем видеть вот такую чертовщину.

Глава четвертая

1

Наутро, возбужденный похвалой,
Что стих его не то, что неплохой,
А даже превосходен и прекрасен,

Лавров подборку сделал второпях,
Скорей в "Девятку" и на скоростях
В редакцию. Был путь его опасен:

2

На переезде чуть "Пежо" не зацепил,
У рынка чуть в кювет не угодил.
От спешки, от восторга и волнения.

Увы, непризнанных так просто вдохновить
И взволновать: лишь стоит похвалить,
И человек уже не сдержит возбуждения.

3

Весь мир вокруг Лаврова ликовал, -
Как это раньше он не замечал? -
Проблемы все вдруг стали так малы.

В душе Лаврова пел блаженный хор:
"Стихи должны произвести фурор!..."
И все от легкой женской похвалы.

4

Ах, Оленька! Мы в юности своей,
Благодаря неопытности дней,
Вершим не думая, не ведая последствий.

Но наши действия имеют свой резон.
И трижды счастлив тот, кто увлечен...
Лавров, однако, подкатил без бедствий.

5

С редактором знаком накоротке,
Держа подборку трепетно в руке,
Он сразу – в кабинет и тут же – к делу:

– "Издать бы книжку. Тонкую совсем.
Страничек сто". – Да хоть пятьсот, хоть семь,
Объем не важен... Ладно, ближе к телу,

6

Как говорить любил француз Ги Де.
Оплатит кто? Где средства? Спонсор где?
Плати, тогда издам я что угодно.

Но книга не продастся, не пойдет
И не окупится, чтоб знал ты наперед.
Стихи писать сейчас уже не модно,

7

Да и не выгодно. – Редактор полистал
Подборку, что-то наспех прочитал,
Задумчиво прошел по кабинету:

– Поверь, что с этим славы не сосватать.
Но, если хочешь что-то напечатать,
Могу штук восемь отобрать в газету.

8

– "А книжицу?.." – Стихи сейчас не в моде.
Сам Пушкин не в чести. Читают вроде,
Но больше изучают, как слона.

И Лермонтов, и Соловьев, и Тютчев -
Отживший век. Пиши-ка прозу лучше.
Тогда уж удовлетворим сполна.

9

Все напечатаем, о чем ты ни напишешь.
Чего молчишь? Сергей! Меня ты слышишь?
– "Да слышу". – Ну? – "Я в прозе не мастак".

– А кто мастак?! Читал ты "Улисс" Джойса?
Он, говорят, был тот еще пропойца.
Писал лишь скуки ради, просто так.

10

Я взял читать – едва прочел на треть,
И то не смог понять, хоть умереть.
А все кругом кричат: "шедевр, шедевр!".

Таких "шедевров" я могу наботать
Хоть сотню штук, когда б мне не работать.
Вот у Высоцкого все ясно в книжке "Нерв".

11

Но ты же не Высоцкий? – "Вроде нет".
– Возьмись за прозу, мой тебе совет.
"Любовь – морковь" оставь для малолетних.

Попробуй детективы, боевик...
– Я к этим жанрам как-то не привык.
– Тогда любовный, о романах летних.

12

А это не пойдет. – И он вернул
Стихи Лаврову. Тот слегка кивнул:
Не то согласие дал, не то простился

И молча вышел. Вытер пот с лица.
"Девятка" ждет послушно у крыльца.
В глазах Лаврова мир переменялся

13

И свет мгновенно превратился в тень,
Стал серым днем весенний ясный день,
И люди злы, и эта жизнь никчемна.

Он снова рисковал попасть в ГАИ,
Теперь уж с горя. Да, друзья мои,
Пусть то, что я скажу, не очень скромно,

14

Но, думаю, Лавров имел талант.
Не знаю, гений ли? Возможно, не гигант,
Но все же в нем горел таланта свет.

Я здесь ни за кого не заступаюсь,
Хотя и есть симпатии, признаюсь,
К своим героям. У кого их нет?..

15

Сергей Андреич мчится на работу.
Да толку что? Отбили всю охоту.
Не клеилась работа в этот день.

Лавров скучал, рассеянно блуждая
Глазами по столу, не отвечая
На нужные звонки. Все было лень.

16

Казалось все ненужным. Он свалил
Помощнику дела и укатил
За город, в лес. Остановился в поле

Изюменском. Закапал мелкий дождь.
"В литературе тот король и вождь,
Кто в творчестве своем с фортуной в доле. -

17

Так думал он, гуляя под дождем. -
Мы ж, неудачники, всю жизнь чего-то ждем,
Да так и погибаем без признания".

Дождь стал сильнее. Лавров в машину сел
И сквозь стекло на струи все глядел,
Найти пытаюсь бедам оправдания.

18

Что ж, даже гениев при жизни не ценили.
Тот спился, этот сник, того убили.
Бороться с мнением толпы – напрасный труд.

Но стоит гению прожить и кануть в Лету,
Как много нового прибавится к портрету:
Читатели – прочтут и перечтут,

19

Приверженцы – украсят, обелят,
Противники – обгадят, очернят.
Завистники – в друзья себя запишут,

Мыслители – чего-то напроорочат,
Ругатели – зачем-то опорочат.
Историки – истории напишут,

20

Которых не бывало никогда.
Таков путь гения. Он был таким всегда.
Ни времена его, ни нравы не изменят.

Поэтому, мой друг, пока живой,
Трудись себе с надеждою одной,
Что, может быть, когда-нибудь оценят.

Глава пятая

1

Теперь хочу прервать событий ход,
Чтоб рассказать о Пилине. Идет?
А нет, так авторским воспользуюсь я правом.

Валерка Пилин был одним из тех,
Кто с ранних лет учился без помех,
Предпочитая играм и забавам

2

Умерших классиков забытые тома,
Был восхищен дуэлями Дюма,
Дворянской честью смелых декабристов,

Их революционностью идей.
Любил читать в порыве юных дней
О тайных подвигах идейных террористов,

3

О революциях, о новом поколении.
И он нередко пребывал в волнении
От только что прочитанных страниц.

То мнил себя Лазо, то д'Артаньяном,
Или Котовским, от сражений пьяным,
С отрядом меж пылающих станиц.

4

Какой мальчишка не мечтал, что он
То Робин Гуд, а то вдруг Робинзон,
Разведчик, сыщик, командир отряда,

Не важно кто, но главное, чтоб был
В герое ум, чтоб честь была и пыл,
И благородство. Большого не надо.

5

Но и на меньшее не шли мы никогда.
Взрослел Валерка. Это ли беда?
Он был все тот же: чувственный, ранимый.

Он был как сотни маминых сынков.
Ну что поделать, да, он был таков,
Послушный сын ворчливой тети Симы.

6

Поздней он стал за жизнью наблюдать.
Он жизнь любил, любил безмерно мать
И восхищался разумом вселенским,

Создавшим этот мир таким, как есть.
Он верил в доброту, в любовь и честь.
По сути, он был тем же самым Ленским,

7

С такою же ранимою душой.
От матери, затейницы большой,
Он приобрел всю женственность натуры

И легкий пыл, и возбудимый нрав.
Но девушки, неверно восприняв
Валеркин нрав, его стеснялись, дуры.

8

Он им казался просто чудаком.
Так думать мог лишь тот, кто не знаком
Был с ним поближе. Мы воспринимали

Его как есть. Ведь он не виноват,
Что был воспитан не совсем как хват,
Что на него изрядно повлияли

9

Нежизненные идеалы книг, -
Все то, что он у классиков постиг, -
Что редко был в компаниях веселых,

Что одевался просто, не по моде,
Что помогал мамаше в огороде,
Не собирал картинки женщин голых;

10

Не дрался, не стрелял по воробьям,
Был рад хоть чем-нибудь помочь друзьям.
А главное, – что рос он без отца.

Но он стремился все же стать героем,
И брал свое нередко, чуть не с боем.
Ах, наши юноши! Горячие сердца!

11

Они влюблялись и порой жалели,
Что уж давно отменены дуэли.
И честь теперь – не честь, и стыд – не стыд.

И все теперь не то, – другое время.
Другие нравы и другое племя.
И только память душу бережит

12

Былым великолепием веков,
Звучанием отчаянных подков
И звоном шпаг, и веры чистотой.

Все скрыло время. Лишь страницы книг
Имеют власть сдержатъ его на миг.
Чтоб напоить нас призрачной мечтой.

13

Но годы шли, и тетя Сима стала
Заглядывать тайком на дно бокала.
От одиночества: так говорит молва.

Валерка вырос в срок и в срок влюбился.
Да от любви не многого добился,
Как повествует первая глава.

14

И одиночество, и неудачи сына,
И скудный быт, и бедности рутина,
Все тетю Симу двигало к вину.

Она уже открыто выпивала
И, не скупясь, Валерку угощала.
Не будем это ставить ей в вину.

15

Как говорится, помогло несчастье:
Инфляция. Валерка в одночасье
Тут протрезвел. Потом уж появилась

И наша Оленька. Ее наивный пыл
В Валерке снова чувства оживил,
И в сердце вдруг надежды дрожь забила.

16

Ах, чувства, чувства! С детства, с малых лет
Они на все пророчат свой ответ.
Наш царь не ум, а буйных чувств набег.

И так всю жизнь: что б там ни суждено,
Мы чувства обуздать стремимся, но,
Увы, нас всех воспитывал "Онегин".

17

И мы уже со школы брали в толк,
Как на дорогу вдруг выходит волк
В содружестве с волчихой голодной,

Как удивленный гусь скользит по льду,
И как пастух уже не дул в дуду,
И мальчик прятал пальчик свой холодный.

18

Затем, взрослея, были мы пьяны
Тем духом долгожданной новизны
От чувств, рожденных в нас письмом Татьяны.

Сочувствовали ей, страдали с ней
На трепетной вершине юных дней,
Где так трагичны кажутся обманы.

19

Поздней читая, – мы удивлены
Столь точным описанием старины
И на роман смотрели по-другому.

Потом, уже в годах, читали вновь,
Все видя в нем: и мудрость, и любовь,
И тонкий смех, и наставленье дому...

20

Вы спросите: но почему "увы"?!
Я объясню. Хотя, надеюсь, вы
Давно уже об этом догадались.

Для объяснений нужно нам опять
К героям нашим поскорее мчать.
Они уже, конечно, нас заждались.

Глава шестая

1

Вы помните, как Ольге не спалось,
Как ей сомнением мучиться пришлось,
Бороться с чувствами, о дяде вспоминая?

Не только Ольга не могла уснуть,
Не только ей теснили чувства грудь
Тогда, шарьинской тихой ночью мая.

2

Валерка Пилин ею был пленен
Тем самым вечером, когда услышал он
Как Оля пела. Чувства в нем взыграли.

Бессонной ночью он явился в сад
Под Олино окно. Влюбленный взгляд
С него он не сводил. Сверчки вовсю орали.

3

И тут в окне – она!.. Валерка взмок...
Вот руку подняла... вот трет висок...
Сквозь тучи нежно лунный свет струился...

От трепета и скованности вдруг
В руках Валерки тихо треснул сук.
Он испугался и во мраке скрылся.

4

Когда б ни чувств кипучая игра,
Спала б спокойно Оля до утра.
Да и Валерка бы не потащился

Средь ночи под ее окно стоять.
И по-другому, может быть, как знать,
Героев наших путь земной сложился.

5

Когда б нам быть хоть чуточку черствеи,
То были б мы, я думаю, ей-ей,
Удачливее и в любви, и в деле.

Но миром правят чувства: мы никак
Не в силах победить такой пустяк,
Порой, справляясь с ними еле-еле.

6

Вот в чем беда. И, верно, потому
Душа всегда противится уму,
И потому не спят герои наши.

Им чувства не дают никак уснуть,
Терзают душу, разрывают грудь.
Жить с чувствами, хотя трудней, но краше.

7

Не зря Сервантес сравнивал с войной
Любовную игру. И старец Ной
Не зря же взял по паре каждой твари.

Где чувства есть, там все перенесут
Влюбленные, везде найдут уют,
Им и Чукотка – жаркое сафари.

8

Не так уж страшен ад, как говорят.
И рай не так хорош, как нам твердят.
И даже солнце пятнами покрыто.

И ночь не так черна: во мраке – брешь.
Так где ж тот идеал гармоний? Где ж?
Все таин тайною от нас сокрыто.

9

Все унесет забвения река.
Лишь гений Пушкина – загадка на века.
Его поэзия нескоро станет древней.

И не идут никак из головы
Эпиграфы его второй главы...
Шарья, Шарья, – любимая деревня!

10

Я не могу Шарью не обожать.
И чувств своих не в силах удержать,
Когда брожу по улицам знакомым,

По тихим улочкам провинции моей,
По ветхим переулкам старых дней,
Где были мы малы, почти как гномы.

11

Казалось нам: деревья – великаны,
Дома – дворцы. Неведомые страны
Уже с соседних улиц открывались.

И чей-нибудь незапертый сарай
Служил пещерой тайною, где рай
Мы сами строили. И ссорились, и дрались.

12

Потом влюблялись... Все теперь забавно.
Ах, боже мой, как это было славно:
Свиданья назначали при луне...

Я помню, как-то мы вдвоем с Валеркой
Полгода увлекались пионеркой
С соседней улицы. Она досталась мне.

13

На Пристани, у бабушки своей
Провел Валерка в детстве много дней.
Как вкусен бабушкин творог на сдобной булке!

Ах, Пристань милая, убогий уголок.
Валерка звал меня, когда он мог,
В дом N 2 в Кирпичном переулке,

14

Где бабка Зина до сих пор живет.
Давно одна. Грустит да хлеб жует.
С тех самых пор, как деда схоронила.

Не хочет покидать свой старый дом,
Решив себе, что доживет и в нем,
Пока ее не приберет могила...

15

Когда Валерку мучили сомнения,
Он ехал к бабушке. И здесь без сожаленья
Любил часы раздумий проводить.

Вот и теперь, об Ольге размышляя,
Приехал он в двадцатых числах мая
Сюда, чтоб бабку Зину навестить.

16

Еще он смутно видел перспективы
Романа нового, и грустные мотивы
Ушедших дней тревожили его:

Он вспоминал о Саше. Пусть иначе,
Без трепета, но из-за неудачи
Былой любви, рождались у него

17

В душе сомнения: получится ли снова?
Захочет ли свиданий Кистенева?
И, помня первых опытов дефект,

Он мнил себе ужасные картины.
Но тихий дом премудрой бабки Зины
Имел оздоровительный эффект.

18

Как мы боимся после неудачи
В себя поверить снова и назначить
Другой возлюбленной свидание в ночи.

Начать с нуля, дарить стихи, цветы...
Читатель мой, я думаю, и ты
Знал поражения? А, впрочем, стой, молчи!

19

О поражениях мудрее помолчать.
Итак, Валерка наш решил начать
Все заново, попробовать сначала.

Как привидение, ходил он, молчалив.
А бабка Зина, вмиг сообразив,
Что внук влюблен, Валерке не мешала.

20

Под вечер мелкий дождь заморосил.
Попили чай. Валерка попросил
О прошлом рассказать (хотя не раз

Он слышал эти сказки старины),
Снял дедову двустволку со стены
И долго чистил, слушая рассказ.

Глава седьмая

1

Ах, бабка Зина! У нее талант
Рассказчицы. Как истинный брильянт
Ее рассказ в оправе слов старинных

Блестает неподдельной чистотой, -
И необыкновенный, и простой
Одновременно. Чудные картины,

2

Воображая, Пилин рисовал
В своем уме. Он многое бы дал,
Чтобы на день хотя бы очутиться

В деревне Круглице далеких тех времен,
Когда еще и он был не рожден,
И бабка Зина, сказки мастерица,

3

Была совсем девчонкою. Она
Всю жизнь свою в деревню влюблена,
В простой и скромный быт людей деревни.

Сама трудилась в поле с ранних лет,
Ее учили то отец, то дед -
Старатель уважать обычай древний.

4

Валерка слушал бабкины рассказы
Про лес и труд, про старые наказы;
Про игры деревенской детворы;

Про то, как по деревне бродит леший,
То едет на волках, то ходит пеший,
Заглядывая в сонные дворы.

5

Где стянет курицу, где в парня превратится,
Чтобы похитить юную девицу,
Да спящую утащит в темный лес

И там замучает ее; или отпустит,
Но своего, однако, не упустит.
И с девкой будет множество чудес

6

Потом твориться. Будут говорить,
Что ей на свете лучше и не жить.
А может, из деревни вон изгонят,

Чтоб не смущала молодых парней
(Завистниц будет множество у ней),
Или тайком убьют, да и схоронят...

7

Любил Валерка с детства вечера
Седой зимы, когда его пора
Идти ко сну еще не наступала,

А за окном уже царила темь;
И бабка Зина тихо между тем
Свое повествованье начинала,

8

Со спицами в руках, или шитьем,
Или пасьянсом. Так они вдвоем
Засиживались чуть не до полночи.

И, слушая причудливый рассказ,
Борясь со сном, но, не смыкая глаз
(Хотя уже и спать хотелось очень,

9

И тайный страх его одолевал),
Он ноги из-под стула поднимал,
Чтоб леший не схватил его за ногу,

А все ж просил еще, еще рассказ...
И бабушка ему на этот раз
Расскажет про волшебную берлогу,

10

Где жил не то медведь, не то колдун:
– "Он был ужасней бабник и шалун,
И часто портил девок деревенских.

А можа, просто на него пеняли:
Со старины привычку переняли.
Кто ж сыщет правду-то в секретах женских.

11

Я с детства слыхала о том медведе.
Самой мне бабка как-то о соседе
Рассказывала: мол, его жана

Детей довольно долго не имела.
Но стала в лес ходить, да так умело,
Што очень скоро родила она.

12

Все говорили, будто сам медведь
Помог соседке-то детей иметь...
И полно, милай, спать пора ложиться..." -

Но мальчик все просил еще рассказ.
Так дети любят старину у нас.
И счастливы, в ком та любовь хранится.

13

Валерка слушал, детство вспоминал,
Об Ольге размышлял да начинал
Патроны порохом. А бабка продолжала

Свои рассказы близкой старины.
Вот память добралась и до войны.
– Гражданскую-то я ведь не застала,

14

Едва родилась. Маленькой была.
Лишь голод помню. Да колокола,
Што в церквах по умершим все звонили.

Да помню, как сгоняли нас в ковхоз.
Все отнимали: и коров, и коз,
И лошадей. Все силой увозили.

15

А нас у папки с мамкой – семь детей.
Мы жили очень средне, без затей.
Но быть в ковхозе мама не желала.

Отняли все. Корова лишь одна
На девять ртов осталась. И она
Не долго в нашем стойле простояла.

16

Середняков считали кулаками.
Мы у ковхоза числились врагами
За то, что жили сами по себе.

И вот однажды (папа был в отлучке),
Опять пришли: – "Ну, шо, у этой сучки,
Шо расплодила кулаков в избе,

17

Пора экспроприировать корову!" -
Сказал сам присидатель. Што тут реву
Поднялось! Мама ползала в ногах,

Молила: – "Пощадите, не губите!
Детей хоть пожалейте! Поглядите,
Мал-мала-меньше! Все ведь на горбах,

18

Трудом нажили честным! Мы ж не воры!
Молите, детки, плачьте..." – Уговоры
Не помогли. А мы и так навзрыд

Без умолку со страха голосили.
Когда они корову выводили,
Тут мама как рванется, закричит:

19

– "Не дам Буренку!!! Как мы будем жить?!!" -
Ее свалили на пол, стали бить.
Потом веревкой туго всю связали

Да и оставили. Буренку увели.
А мы, как ни старались, не могли
Узлы расслабить. Так отца и ждали...

20

Ну а в Отечественную опять
Был страшный голод. Мне пришлось бежать
Из Круглицы в Шарью, чтоб прокормиться... -

Валерка слушал бабушку свою,
Ее воспоминанья про Шарью,
Да все смотрел, как с крыши дождь струится.

Глава восьмая

1

Лавров пришел позднехонько с работы,
Стянул пальто, поставил в угол боты.
Лил майский дождь, и грязь – по всей Шарье.

Уже темнело. Оля с Катериной
Играли в карты. Танечка с Ириной
Сергеевной примерили колье

2

У зеркала. Лавров прошел к столу
И сел устало. Подобрал полу
Юбчонки длинной, Танечка помчалась

Да на колени прыгнула к отцу.
Поцеловала, по его лицу
Ладошкой провела и засмеялась:

3

– Наш папка весь в занозах! Он не брит! -
Сергей Андреич на колье глядит
И головой качает в восхищении:

– Ты как принцесса! – Дочь поцеловал
И отпустил. – Сегодня я устал.
Хочу побыть чуть-чуть в уединении.

4

Пойду к себе. – И в комнату ушел.
Как будто бы все было хорошо,
На первый взгляд. Семейная идиллия:

Усталый добрый муж пришел домой;
Две дочери с красавицей женой
И родственницей нежно, без усилия

5

Поддерживают здесь покой и мир.
Тут не хватает только арф и лир
Для воспевания семейного уюта,

Где радость и любовь кругом царят,
Где только о хорошем говорят,
Где нас счастливит каждая минута.

6

Сергей Андреич на диван прилег,
Стал наблюдать, как глупый мотылек
В окне порхает около карниза.

Но мыслей не было. Ему казалось, он
До глубины души опустошен.
За стенкою работал телевизор

7

На полную. И раздражал весьма.
Панельный дом. Таких домишек тьма
В России нашей. Снова я про быт.

Мы строим без ума, да кое-как:
Построить дом? Подумаешь, пустяк.
Тяп-ляп, и все готово, дом стоит.

8

Вот только жить в нем упаси нас бог...
Лавров хотел писать – писать не смог.
Капризная не снисходила муза.

Он стал читать – ему хотелось выть.
Тогда решил он ужин разделить
В родном кругу семейного союза...

9

Уже под тридцать было тете Ире,
Когда племянница осела в их квартире:
Сестрица старшая просила, – не откажешь, -

Племянницу на год лишь приютить
И доучить в Шарье, и пособить
Потом с трудоустройством. Что тут скажешь?

10

Я, впрочем, не о том, а об Ирине
Сергеевне, она порой застынет
У зеркала и смотрит на себя

Минут пятнадцать, все без перерыва,
Без внутреннего, кажется, надрыва,
Лишь иногда костяшками дробя

11

О полочку. Но этот нервный знак
Дает понять, что вовсе не пустяк -
Ее занятия у зеркала большого.

Ведь если женщина успела к тридцати
Сама свою красу приобрести,
Так честь ей и хвала. И, право слово,

12

По силам ей старение отсрочить.
И хочет тетенька до ужаса упрочить
Стабильность облика, красивого когда-то.

Признаюсь, что про женщин слышал я:
Когда в пятнадцать некрасива – бог судья,
Но если в тридцать – так сама и виновата.

13

Лавров налил себе бокал вина
И стал смотреть, как мажется жена.
Девчонки в кухне стол сервировали.

Жена Лаврова в зеркало глядит
И, как бы, между прочим, говорит:
– Ну, как сходил? Чего тебе сказали?

14

– Сказали, что стихи сейчас не в моде.
Век прозы наступил, и даже вроде
Сам Пушкин не читается уже.

– А что же в моде? Что теперь читают?
– Доценко. Детективы почитают. -
Жена Лаврова в желтом неглиже,

15

Держа в руках софистер и расческу,
Чтоб сделать к ужину шикарную прическу,
Вздыхнула, левым плечиком пожала

И мужу, чтоб ответить что-нибудь,
А вовсе не затем, чтоб вникнуть в суть,
С улыбкой непонятною сказала:

16

– Тогда и ты возьмись за детективы.
Иначе не увидишь перспективы. -
Сергей Андреич глянул на жену,

Поморщился: мол, боже, с кем тут спорить,
И, чтоб финал дискуссии ускорить,
Решил свалить на классиков вину:

17

– Все смотрят не на труд, а на портреты.
Какой ужасный вред – авторитеты!
Об этом говорил еще Толстой.

Когда нет имени, шедевр теряет цену!
А без цены не выпустят на сцену.
От этого у нас кругом застой.

18

И более всего – в литературе...-
Жена Лаврова спорить о культуре
Желала даже меньше, чем стареть.

И, слушая ворчание супруга,
Его многострадальная подруга
Вдруг начала тихонько что-то петь.

19

Лавров затих и горько ухмыльнулся.
Поднялся, молча в комнату вернулся.
Допил вино, опять к столу присел,

Взял с полки пятый том Хемингуэя
И стал читать, мечтать уже не смея
О лаврах призрачных. Над ним в углу висел

20

Портрет Рембо – счастливого мальчишки,
В семнадцать лет добившегося книжки
И похвалы всемирного Парижа.

А он, – пристыжен собственной женой! -
Еще не напечатал ни одной,
Ни званий не добился, ни престижа.

Глава девятая

1

"Да что жена? Она не понимает
Меня совсем. Стихов моих не знает,
Да и не ценит. Вот где скрытый враг.

Как часто женщины мужьям не помогают
И ими не живут. Потом пеняют,
Что жизнь у них не ладится никак.

2

Ведь кто мужчину может ввысь поднять?
Жена его, что любит, словно мать,
Готовая на подвиг ради мужа.

А кто мужчину может в ад спустить?
Опять жена, – которой лень любить,
Которой, видимо, хороший муж не нужен". -

3

Так думал наш Лавров, когда вошла
Тихонько Ольга: – Дядя, я нашла
Сегодня днем на полке, между книг,

Один ваш стих. Он очень превосходен... -
Лавров взглянул: – Ах, этот. Нет, не годен. -
Хотел забрать, но Ольга в тот же миг

4

Листочек отстранила: – Если вам
Не нужен, подарите мне. Стихам
Я отведу отдельное местечко

В своем секретном дневнике. – "Зачем?" -
– Пусть лучше у меня хранится, чем
Пылится между книг. Еще словечко

5

Хотела я сказать вам о стихах...
Конечно, мнение мое для вас – не ах
Какое важное... – "Да нет же, говори,

Я буду рад твое услышать мнение..." -
И Ольга дядю привела в смущение
Своею похвалой. Минуты три

6

Он слушал молча, чуть ли не краснея,
Но, в то же время, возразить не смея.
Как лесть сильна! Как любим мы ее!

И все-таки Лавров набрался духу,
Стал возражать. Но как приятны слуху
Слова племянницы! И так они вдвоем

7

Беседовали о строптивой музе,
Об этой прежеланнейшей обузе
Для всех поэтов. Тут Лавров взглянул

В тот угол, где висел Рембо портрет
И грустно улыбнулся: – Вот поэт!
А я... – И он слегка рукой махнул.

8

– Куда уходит молодость лихая? -
Сказал Сергей Андреевич, вздыхая. -
Стареет тело – это ли беда,

Когда душа... душа – все та же птица,
Что в синь мечты, под небеса стремится.
Душа, поверь мне, вечно молода!

9

Чем мы старей, чем тело непослушней,
Тем верим в небылицы простодушней,
И тем сильнее ждем любви, тепла.

И тем нежней и безответней любим,
И, походя, уж женщин мы не губим,
И меньше на земле свершаем зла.

10

– Но вы еще совсем не так и стары.
– Мне тридцать пять! Дождусь ли божьей кары
Я к тридцати семи, не знаю сам,

Но в тридцать три меня не распинали.
И в тридцать семь, я думаю, едва ли
Меня узнают. Вот где будет срам!

11

Поэты без признания хиреют,
И к тридцати годам уже стареют.
А мне давно не тридцать – тридцать пять!

Но я по-прежнему бесславен и безвестен,
Вот в чем трагедия. Смотри, с тобой я честен.
Мне поздно все сначала начинать...

12

– Нет, нет, Сергей Андреич, вы не правы. -
Она ему в ответ. – Я знаю, нравы
В литературе слишком уж круты.

Пробиться трудно. Все же постараться
Необходимо. Вам нельзя сдаваться.
Вам надо бы в Москву... – "Мечты, мечты.

13

Ведь я и здесь-то никому не нужен.
Какое там – в Москву!.." – "Остынет ужин!!" -
Услышали они. К столу звала

Жена Лаврова. Оля встрепелась,
Как будто испугавшись, и коснулась
Его руки, и взгляд свой отвела,

14

Вся покраснев. Случаен или нет
Был этот жест, увы, для нас – секрет.
Но он, однако же, сумел смутить обоих.

Тут Оленька нашлась: – Отложим лиру.
Идемте ужинать. Нельзя нам тетю Иру
Заставить ждать. – Вдруг, темные обои

15

Лаврову показались чуть светлей,
Мир – чуть прекрасней, жизнь – чуть веселей.
Неужто все лишь от прикосновения?

Он улыбнулся и послушно встал...
Читатель, помнишь, Пушкин описал
Прекраснейшие чудные мгновения?

16

Вся наша жизнь из них и состоит,
И ими, словно бисером, пестрит,
Как счастлив тот, кто может их заметить.

И легкий взгляд, и чей-то нежный жест...
Но мы свой быт несем, как тяжкий крест.
А почему? Кто может мне ответить?

17

Ведь жизнь – прекрасна! В чем ее винить?
Не нравится, так можно и не жить.
Но если жить – давайте веселиться!

Отпущен нам не столь уж долгий срок,
И, кто его, смеясь, прожить не смог,
Вини себя, тут не на кого злиться...

18

Так вышли к ужину из комнаты они
И в этот вечер больше уж одни
На всякий случай поостерегались

Остаться, чтоб друг другу не сказать
Опасных слов, способных показать
Их чувства. И взглянуть уже боялись

19

В глаза друг другу, чтобы не прочесть
Чего-нибудь такого. Все же честь
Семьи у нас еще на первом месте.

Но, с этих пор иначе стал смотреть
Лавров на Ольгу. Майский вечер сеть
Свою захлопнул. И уже без лести

20

Он видел в ней и ум, и красоту,
И каждую знакомую черту
Ее считал каким-то колдовством.

И даже то, что выглядит подростком,
Его сильнее влекло. В наряде броском
Она ему казалась божеством.

Глава десятая

1

Признаться, мне б не стоило труда
Унять огонь в груди, и навсегда.
Я потому так заявляю смело,

Что сам почти утратил страсти пыл:
Давно свое отпел и отлюбил,
Но мой герой – совсем другое дело!

2

Итак, поэт влюблен. Не мудрено,
Он к этому итогу шел давно.
И лишь одно тревожило Лаврова:

Как быть с родством? Ведь, как тут ни крути,
А линию жены не обойти -
Ему племянницей считалась Кистенева.

3

И это знали все: весь дом, весь двор.
Лавров стал тих и скрытен, словно вор,
На ком горела шапка. Вот наука! -

Суметь скрывать к племяннице любовь
От всех и от нее самой. И вновь
Гореть любовью. Ведь какая мука

4

Всегда быть рядом, каждый день встречать,
Любить всем сердцем, всей душой желать
И не позволить лишнего словечка!

Какая боль! Но оба влюблены.
Я думаю, тут нет ничьей вины.
Душа – огонь, а тело наше – свечка,

5

Которая с годами оплывает
Что парафин, и тает, тает, тает.
Как, помните, Тарковский написал.

И вот Лавров, чтоб прекратить мучение,
Подумав день другой, принял решение,
Собрался и уехал на вокзал.

6

Там сделал предварительный заказ,
Взяв до Москвы билет. На этот раз
Нацелив на московские журналы:

Вдруг, – богу в уши Олины слова?
Но до отъезда он решил сперва
Письмо отправить другу. Для начала,

7

Чтоб было, где в Москве заночевать:
Возможно, он задержится, как знать,
В столице погостить всегда приятно.

Глядишь, и страсти отойдет накал.
Билет он на восьмое заказал,
Но лишь – туда, не заказав – обратно.

8

Валерка с ним тогда и задружил.
Не потому совсем, что рядом жил,
И вовсе даже не из-за шабашек,

А оттого, что мог через него
Встречать он и кумира своего.
Был Пилин тих, послушен, как барашек.

9

До остановки провожал Лаврова,
Там расставались, а наутро снова
Встречались, чтобы вскоре разойтись.

Лавров не часто пользовал машину,
(Из экономии: уж больно жрет бензину)
Когда и без нее мог обойтись.

10

Дни полетели. Стали вечерами
Они встречаться, будто бы стихами
Лаврова занимаясь. Впрочем, сам

Лавров уж точно ими занимался.
Ну а Валерка больше отвлекался
На Олю. Но, конечно, и стихам

11

Он уделял положенное время,
Перепечатывал – не тяжело это бремя,
Когда в награду мог он получить

Те самые чудесные мгновения.
К тому же он, с Лаврова одобрения,
Машинописи Олю стал учить.

12

Понравилась затея эта всем.
Лаврову – было выгодно затем,
Чтоб не платить Валерке за работу:

Ведь Ольга с дяди денег не возьмет.
А Кистеневой выгоду поймет,
Наверно, каждый – проявить заботу

13

О дяде, чтоб ее он полюбил.
Ну а Валерка счастлив тем уж был,
Что чаще Ольгу будет видеть он.

И вот уже Лавров заметил вскоре
Во взгляде, жесте, даже в разговоре,
Что наш Валерка, кажется, влюблен

14

В его племянницу. Казалось бы, и славно.
Ведь сам-то он хотел того подавно.
Но, странно, – мой Лавров стал ревновать

И лишь сильнее влюблялся с каждым днем.
Инстинкт мужчины просыпался в нем.
Соперничать хотелось, воевать.

15

Лавров мертвел, когда она смеялась,
Когда, шутя, Валерке улыбалась.
О боже! Он бы Пилина убил!

Но внешне был приветлив и спокоен,
Как дипломат или дозорный воин,
Что за врагом украдкой следил.

16

Наверное, Лавров к себе был строг:
Никак позволить лишнего не мог.
Подумаешь, – пофлиртовать с девчонкой.

Кого сегодня этим удивишь?
А он сидел, надувшись, словно мышь,
И слушал, как дочурки в песне звонкой

17

Соревновались силой голосов.
И размышлял о Пилине: "Каков!..
Повсюду лезут эти оборванцы!"

Ну а потом, вдобавок ко всему,
Сказала Оля вечером ему,
Что Пилин пригласил ее на танцы.

18

Умом Лавров, конечно, понимал,
Что он женат, что Оле бы не дал
Он ничего, что их любовь не вечна.

Но вот душой и телом он – желал!
Уж мысленно Ирине изменял,
Себе признавшись в том чистосердечно:

19

"Измена. Но жена ведь – не держава.
Для честности учил нас Окуджава:
Не обещайте, братцы, юным девам

Любови вечной. Что ж тогда жена?
Какой любви требует она?
И короли – неверны королевам!"

20

Сергей Андреич все-таки решил
Быть честным. И на танцы разрешил
Идти с Валеркой: вдруг у них, как знать,

Чего и выйдет. Сам в Москву собрался,
Но вот о дне отъезда не сказался,
Чтоб Оля не помчалась провожать.

Глава одиннадцатая

1

Что ж, оторвем листки календаря,
Чтоб не топтаться нам на месте зря:
Вот пятое июня, вот шестое,

Седьмое... Стоп! Восьмое! В этот день -
И танцы, и отъезд – и свет, и тень.
Возможно, совпадение простое,

2

Но этот день я должен описать.
Не весь, конечно. Может быть, начать
Мне с вечера? Сам день прошел обычно

И вовсе не запомнился ничем.
Поэтому и тратиться зачем?
Так значит – с вечера, согласны? И отлично.

3

Июньский вечер был хорош и тих.
Ему я посвящаю этот стих.
Впервые Пилин с Ольгою на пару

На танцы едут вместе, как друзья.
В тот вечер ездил в ДКЖ и я
С приятелями. Там мы дали жару!

4

Весь зал битком. Повсюду визг да смех.
Нужна подружка? Тут вас ждет успех.
На танцах познакомиться – пустяк:

Здесь "герлы" с десяти до тридцати,
Кому под вечер некуда пойти.
Здесь редко все обходится без драк.

5

Вон скачет рыженькая – чем не хороша?
А вот блондинка – светлая душа, -
Четырнадцать, не больше, – но под слоем

Косметики, ей восемнадцать дашь.
И все навеселе! А вот и наш
Валерка, оглушенный общим воем.

6

На танцах Пилин мой – не частый гость.
Его теперь одолевала злость,
Что слишком редки медленные танцы

И Оля не танцует их совсем;
Что тесно: не хватает места всем;
Что в музыке все больше иностранцы...

7

Вы не были на танцах в ДКЖ?
Хотя, сегодня там не то уже,
Что было раньше. Но народ все тот же.

Века не изменяют молодежь.
Напрасно думаете вы, что это ложь.
Я докажу элементарно. Вот же,

8

Для доказательства и повод есть.
Судить о молодых, – какая честь,
Когда и сам еще не стар годами...

Меняются лишь времена да нравы,
Обычаи, да моды, да державы...
Но молодые – нет. Взгляните сами.

9

Тинэйджеры сегодняшнего дня -
Как век назад. Себя пупами мня,
За неудачников своих, считая, предков,

Домашние хазары-печенеги,
Они живут, как предлагал Карнеги,
В отсеке дня, не более. Не редко

10

Срываясь из семейного болота,
Где ничего им делать не охота,
И пропадают днями напролет

В своих тусовках, где их может ждать
Одна забота: чем себя занять.
И оккупировав весь лестничный пролет

11

В подъезде дома, сидя на ступеньках,
Как куры на шестках, в серьгах и феньках,
В табачном дыме с "планом" пополам,

Они болтают обо всем на свете,
Еще не взрослые, но далеко не дети,
Все думают, что выше пап и мам;

12

Мечтают, как бы им достичь всего,
Не делая при этом ничего.
Они уверены, что их спасет всегда

От насморка – Efferalgan Upsa,
От трудных мыслей – глупая попса,
От жажды – перси или газ-вода,

13

От одиночества – веселый круг друзей.
Им скучно чинно посещать музей,
За знанием ходить в библиотеку.

Не лучше ли собраться вечерком
Да поболтать о том, о сем с дружкой
Или сходить в ДК на дискотеку.

14

Я думаю, тут нет ничьей вины,
Что молодые так приземлены.
Когда ж еще им петь и веселиться?

Всему свой срок. Придет и к ним черед,
Когда судьба за жабры их возьмет.
Что ж, се ля ви. На это глупо злиться.

15

Мы молоды! Поэтому пока
Проводим вечера свои в ДК
Да в барах, да в тусовках беззаботно.

А срок придет – состаримся и мы,
И будем всем вокруг раздражены,
И поругаем молодежь охотно...

16

Тем вечером под рэп, металл и рок
Мы просто веселились, кто как мог.
У молодости есть на это право.

Как не скакать, когда в ушах звучит
То Юры Шевчука последний хит,
То Джексон, то Валерия, то "Браво".

17

Но Кистенева вдруг натанцевалась
И засветло еще засобиралась
Уже домой. Валерка с ней. Его-то

Обрадовало это. Он хотел
Быть с ней вдвоем. И даже, как умел,
Смешил ее, травил ей анекдоты.

18

А Оля, будто чувствуя беду,
Домой спешила. Пусть еще звезду
Не видно было на вечернем небе

И бледная луна едва взошла,
И полоса заката не прошла,
Действительность преобразуя в небыль,

19

Окрашивая розовым весь мир.
Но Пилин счастлив был: его кумир
Шел рядом! И Валерка, словно шут,

Старался Кистеневу рассмешить,
Ее сомненья смехом удушить.
Да все пытался удлинить маршрут,

20

Чтобы не скоро к дому подойти.
В кафешку заглянули по пути.
И вскоре настроенье Кистеневой

Приподнялось. Тут Пилин ей опять
Назначил встречу. Оля завтра дать
Решила свой ответ о встрече новой.

Глава двенадцатая

1

Когда они гуляли, наш Лавров
Уже к столице мчался. Он готов
Теперь бежать от своего подъезда.

Но я хочу немного рассказать
О том, какие чувства испытать
Ему пришлось в тот вечер до отъезда.

2

Для этого вернемся чуть назад.
Вот наш Лавров на кухне, он не рад,
Что Ольга с Пилиным на танцы укатали.

Ну что же тут поделать? Выбирай:
Люби или любить другому дай!
Здесь третье неуместно. Или – или.

3

Сергей Андреич и желал любить,
Да долг ему велел с семьею быть.
Лавров хоть и считался ловеласом,

Но, тут – племянница! К тому же, он не знал,
Взаимен ли его любви накал:
Посмешищем еще не стать бы часом.

4

Лавров грустил: "О, боже, как тут быть?
Любить, в конце концов, иль не любить?
А вдруг Валерку Оля полюбила?"

Он в руки взял позавчерашний "Труд",
И попытался почитать. Но тут
Его внезапно муза посетила.

5

Умчавшись в комнату, он в кресло сел,
Взгляд бросил в угол, где Рембо висел,
Открыл тетрадку, авторучку взял

И стал писать, черкать и вновь писать,
И, по привычке, черный ус кусать.
И, наконец, он вот что написал:

6

"Не видя журавля, я, как жар-птицу,
Так много лет удерживал синицу
В своих руках. И вывел с ней птенцов.

И думал я, что счастлив в жизни краткой,
Синице отдаваясь без остатка...
Но вдруг с небес услышал странный зов.

7

Он звал меня, маня неудержимо.
Я голову поднял, не в силах мимо
Пройти. И взгляда отвести не мог.

Там, в небе, проплывала журавлица!
Тогда я понял: вот моя жар-птица.
С тех пор печален стал мой бедный слог.

8

Года и долг зовут меня к синице..."-
Писал Лавров, грустя о журавлице.
Он доверял бумаге как поэт

Все чувства, музу удовлетворяя
И о последствиях, конечно, не гадая,
Не видя в том потенциальных бед.

9

Еще строка, еще... почти венец.
Но муза улетела и – конец.
Не мог ни строчки больше он создать.

И так, и сяк пытался – все не то.
А тут Танюшка с книжкой Барто
Пришла и попросила почитать.

10

Дочурку на колени усадив,
Да на удачу Агнию раскрыв,
Нашел он: "Наша Таня громко плачет..."

Прочел про этот громкий Танин плач,
Потом, – про "Мой веселый звонкий мяч",
Потом – как мальчик на лошадке скачет.

11

Потом еще прочел стишочков пять
И предложил дочурке погулять.
Та, согласившись, весело умчалась

С сестрой во двор. Их крики за окном
В тот вечер долго слушал старый дом.
Лавров скучал. Ему вдруг показалась

12

Смешной затея с выездом в столицу:
"Что мой приезд? Он лишь на единицу
Поднимет счет наплыва графоманов

В богемную Москву. Ее и так
Заваливают кипами бумаг,
Стихов пудами, тоннами романов.

13

Пробиться в этой толще – гиблый труд.
Нет имени, протекции – сотрут!
Кто я такой? С каким я лезу рылом

В калачный ряд?.. Но, боже, как узнать,
Вдруг да смогу вершину эту взять,
И влезть в какой-нибудь журнал без мыла?.."

14

Посомневавшись в гении своем,
Потом поужинав с женой вдвоем,
Поговорив притом о пустяках,

Лавров, в конце концов, собрался в путь:
Ведь надо же пробиться как-нибудь,
Чтоб вовсе не остаться в дураках.

15

Он вышел раньше, чтобы одному
На воздухе поразмышлять ему
О творчестве, о призрачной столице,

О Кистеневой Ольге, о жене...
Еще о том, о чем не стоит мне
Упомянуть. Он шел, смотрел на лица

16

Шарьинцев встречных и не видел лиц;
Не слышал голосов вечерних птиц -
Певцов любви, свободной дикой воли, -

Не замечал Лавров мой красоты
Природы летней: запахи, цветы...
А мне все это дорого до боли:

17

Шарьинских улиц свежая листва,
Их прибранность, заметная едва;
Неторопливость времени и действия;

Неспешность жизни... да убогий быт,
Что вечно и печалит, и смешит;
Да горожан лихое лицедейство...

18

Шарья, Шарья, мой милый уголок,
Тебя я возродил бы, если б мог.
Сегодня ты запущена, уныла.

И бедной нищенкой в отрепьях у ворот
Встречаешь ты уже который год.
Но, помню я, что не всегда так было.

19

Здесь и сейчас красивые места,
А раньше... (только память и чиста).
Шарьинка с Кринкой – дивные речушки -

Притягивали, как морской курорт.
Тут ежедневно отдыхал народ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.